

К ЭТИМОЛОГИИ ЛИТ. *káušas*, ЛТШ. *kaùss* „ЧЕРЕП; КОВШ“

Еще А. Лескин высказал предположение о славянском происхождении приведенных в заглавии балтийских слов¹. Однако, поскольку русск., укр. *ковш*, белор. *коўш* и польск. *kousz* на славянской почве не этимологизируются, их этимологические истоки стали искать в восточных странах. Приводились многочисленные названия разного рода сосудов в тюркских, иранских и других восточных языках — названия, которые хотя бы отдаленно напоминали по звучанию русск. *ковш* и другие славянские и балтийские слова².

В настоящее время большинство исследователей решительно отвергает гипотезу о восточном происхождении анализируемых слов. О неприемлемости этой гипотезы уверенно пишет М. Фасмер³, а в словаре Э. Френкеля приводится балтийская этимология лит. *káušas* и лтш. *kaùss*⁴. Однако время от времени это положение о балтийском происхождении рассматриваемых слов подвергается прямой или косвенной критике. Так например, П. Я. Черных в „Очерке русской исторической лексикологии“ предлагает славянскую этимологию слова *ковш* (к *ковать*)⁵. О. Н. Трубачев в рецензии на эту книгу справедливо отметил, что слово *ковш*, видимо, было заимствовано из литовского⁶. Однако впоследствии сам рецензент отказался от своей прежней точки зрения и вернулся к отвергнутой в настоящее время гипотезе о восточном происхождении русск. *ковш* и о последующем заимствовании из славянского в балтийский⁷. Поскольку автор лишь бегло касается данного вопроса, ограничиваясь, в ос-

¹ A. Leskien, *Die Bildung der Nomina im Litauischen*, Leipzig, 1891, 194.

² Перечень их можно найти в книге: В. И. Абаев, *Историко-этимологический словарь осетинского языка*, I, Москва—Ленинград, 1958, 642.

³ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, II, Москва, 1967, 273.

⁴ E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, I, Göttingen, 1962, 231—232 (в дальнейших ссылках: LEW).

⁵ П. Я. Черных, *Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период*, Москва, 1956, 96.

⁶ Краткие сообщения Института Славяноведения, XXV (1958) 101.

⁷ О. Н. Трубачев, *Ремесленная терминология в славянских языках*, Москва, 1966, 302—303.

новном, приведением материала из словаря В. И. Абаева, имеет смысл остановиться подробнее на основных *pro et contra*.

Осет. *k'ūs/k'os* „миска, чашка“, алт. *köš*, якут. *küös* „горшок, чашка“, груз. *k'ovzi* „ложка“, перс. *kūza* „кружка, горшок“, армян. *kuž* „горшок“ представляют собой достаточно пеструю семантическую картину, не совпадающую с проходящим красной нитью по всему балто-славянскому ареалу значением „ковш“. Фонетически трудно себе представить, чтобы какое-либо из перечисленных слов могло послужить источником славянского *ковш*. Учитывая особенности фонетической субституции и возможной славянизации слова, мы вправе допустить значительные отклонения в звучании двух слов (в языке-источнике и в заимствующем языке). Но всё дело в том, что русск. *ковш* фонетически совсем не выглядит славянским словом — что заставляет предполагать предельно близкую передачу фонетического „облика“ слова языка-источника.

Обратимся теперь к балто-славянскому ареалу. Кто у кого заимствовал слово — балты у славян или славяне у балтов?⁸ Начнем с рассмотрения фонетических данных. Сочетание *auš-*, как известно, в литовском языке является обычным⁹ (*áušti*, *aušrà* и др.) — в отличие от русского сочетания *овш-*. После глухих смычных *p*, *t*, *k* литовский язык также допускает сочетание *-auš-* (*rauškėti*, *tauškùs*, *kaūšti*), которому после звонких смычных *b*, *d*, *g* будет соответствовать сочетание *-auž-* (*baūžas*, *dáužėti*, *gaūžtis*). Русскому языку чужды корневые слова, начинающиеся на *овш-*, *повш-*, *товш-*, *ковш-*, *бовш-* или *бовж-* и т. д. Характерно, что единственное (наряду с *ковш*) русское слово подобного типа — *ловжа* — представляет собой заимствование из литовского *láužas*.

Из других фонетических особенностей следует отметить наличие аблаутных форм в литовском языке: *káušas* и *kiáušas*, *kiáušė* „череп“, а также колебания в передаче гуттурального **k̃*: *kau-š-ėlis* „ковшик“ и *kau-k-ėlė* „небольшое деревянное блюдо; ковш, которым вычерпывают воду из лодки“¹⁰, *káu-š-as* и *káu-k-olė* „череп“ (ср. *piřšti* : *piřkti* и другие примеры подобного рода)¹¹.

В словообразовательном отношении русск. *ковш* и другие славянские слова оказываются полностью изолированными на славянской почве. В литовском языке можно отметить такие, несомненно, связанные с *káušas* слова, как *kaūšti* „пьянеть“, *pa-káušis* (= лтш. *pa-kausis*) „затылок“ и др., не говоря уже о

⁸ Независимо от возможности или невозможности восточного происхождения слова.

⁹ Для краткости ниже приводятся данные только русского и литовского языка.

¹⁰ К. Вūga, RR I 364.

¹¹ Некоторые из них приводит в одной из своих работ К. Буга (RR II 221).

тех связях, речь о которых пойдет ниже — при рассмотрении этимологии анализируемых слов.

В славянских языках засвидетельствовано только одно значение слова *ковш*. В литовском и латышском, кроме значения „ковш“, мы сталкиваемся у слов *káušas* и *kaùss* с несомненно древним значением „череп“. Древность этого значения подтверждается наличием производных *rakáušis* и *rakausis* „затылок“, а также аблаутной формой *kiáušas* „череп“ и образованием с гуттуральным *k — *káukolė* „череп“. Хорошо известно, что значения „череп“ и „сосуд“ часто сосуществуют в рамках этимологически единого слова или двух близкородственных слов. Так, значения „череп“ и „сосуд“ могут быть отмечены у греч. *σχιφίον* — слова, представляющего собой диминутив к *σχύφος* „чашка, кружка“. Ср. также русск. *чаш(к)а* и польск. *czasz(k)a* „череп“, англ. *scale* „чаша“ и *scull* „череп“, лат. *calvāria* „череп“ и „кубок“, др.-исл. *hauss* „сосуд для питья“ и „череп“¹².

Ни одно из восточных слов, приводимых в качестве предполагаемого источника для русск. *ковш*, не имеет значения „череп“. Следовательно, сторонникам „восточной гипотезы“ приходится допустить, что сравнительно позднее заимствование с Востока (слово *ковш* известно лишь восточнославянским языкам и польскому) проникло из славянских языков в балтийские, приобрело там новое значение „череп“, на базе которого были образованы в литовском и латышском языках слова со значением „затылок“. Кроме того, на балтийской почве были вновь образованы аблаутные формы *kiáušas* и *kiáušė* (и это в эпоху, когда аблаут уже давно утратил свою продуктивность!)¹³, а заимствованное из слав. *ковшъ* лит. *káušas* утратило признак мужского рода -s, проникло в форме **kauša* в фин. *kauha*, а затем вновь перешло в мужской род (→*káušas*). Разумеется, всё это — крайне маловероятно.

О. Н. Трубочев сомневается в том, что фин. *kauha* было заимствовано из древнебалтийского, ибо **kaušas* должно было бы дать фин. **kauhas*, а не *kauha*. При этом он ссылается на лит. *ãvīnas* — фин. *oinas*¹⁴. Однако пример, приведенный О. Н. Трубочевым, трудно признать удачным. Название барана отражает биологическую принадлежность к мужскому роду, поэтому едва ли даже в древнебалтийском слово *ãvīnas* могло быть женского или среднего рода. Иное дело — название ковша или черепа. Именно фин. *kauha* позволяет реконструировать др.-балт. **kauša* — что находит себе подтверждение в индоевропейских соответствиях среднего рода: лат. *saucum* „кубок“, греч. *καυχίον*

¹² Другие примеры подобного рода можно найти в статье: J. Scheftelowitz, Zur Begriffe für „Schädel“ im Indogermanischen, — ВВ XXVIII (1904) 143 ff.

¹³ Древность приведенных аблаутных форм была отмечена К. Бугой: RR I 363.

¹⁴ О. Н. Трубочев, Ремесленная терминология..., 302.

„чаша“¹⁵. Кстати, лит. *tiltas* — фин. *silta*, лит. *šiėnas* — фин. *heinä* и т. п.¹⁶ также подтверждают правильность приведенной выше реконструкции. Характерно, что, например, лит. *žaĩbas* *„зуб“, „острый угол“ — при индоевропейских соответствиях мужского рода (ст.-слав. ЗЖБЪ, др.-инд. *jambhah* „зуб“, греч. γόμφος „гвоздь“) проникло в финский с конечным -s: *hammas* „зуб, шип“¹⁷, а лит. *šiėnas* (ср. русск. *сено* — среднего рода) — без конечного -s: *heinä*¹⁸. Таким образом, всякие сомнения в балтийском происхождении фин. *kauha* оказываются совершенно необоснованными.

Балтийский и славянский ареал рассматриваемых слов также говорит отнюдь не в пользу их славянского (или восточного) происхождения. Польский, белорусский, русский и (в меньшей степени) украинский — это обычный ареал славянских балтизмов. Именно на этом ареале мы встречаемся со словом *кови*, которое неизвестно всем остальным славянским языкам. Среди памятников древней белорусской, русской и польской письменности слово *кови* особенно часто встречается в документах так называемого Литовско-русского государства¹⁹. На том же, в основном, славянском ареале, что и слово *кови*, распространены и такие балтизмы, как *жлукто*, *яндова*, *дойлид(а)*, *шуло*, *шклюд (склют)* и др. Происхождение всех этих слов неразрывно связано с процессом обработки дерева, а *кови*, *жлукто*, *яндова* относятся к одной и той же семантической группе названия сосудов.

Наконец, исконно балтийское происхождение лит. *káušas*, лтш. *kaūss* подтверждается наличием индоевропейских соответствий, в первую очередь — др.-инд. *kóśah* (с *ō* из **au*) „сосуд, чан“, греч. *καυχίον* „чаша“, лат. *caucum* „кубок“. Эти слова фонетически соответствуют балтийским, но не могут рассматриваться в качестве соответствий славянским названиям ковша, которые находят свое место в приведенном ряду лишь как заимствования из балтийского²⁰.

¹⁵ E. Fraenkel, LEW 232; В. М. Иллич-Свитыч, Именная акцентуация в балтийском и славянском, Москва, 1963, 82.

¹⁶ V. Thomsen, *Berøringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog*, København, 1890, 79, 98, 112—113.

¹⁷ Там же, 80.

¹⁸ В качестве причины, приведшей к расхождению между балт.-*-as* и фин. *-a* В. Томсен ссылается на аккузатив как источник заимствования. См. V. Thomsen, ук. соч., 112. Там же (112—113) приведен список подобных заимствований, содержащий около 20 примеров (в том числе — *káušas* — *kauha*).

¹⁹ K. Jablonskis, *Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje*, Kaunas, 1941, 106—107.

²⁰ Исконно славянское соответствие приведенным словам должно было бы иметь форму **коусъ*, русск. **кус*.

Теперь, когда выяснилась полная неосновательность сомнений в исконно балтийском происхождении лит. *káušas*, лтш. *kaùss*, можно обратиться к вопросу об этимологии этих слов. К. Буга (RR I 364) возводил их к корню *(s)kau- „покрывать“, объединяя с лит. *skiáutė* „отрывок, отрезок ткани“ и другими связанными с ним словами. Однако гипотетический корень *(s)kau- „покрывать“ вычленялся К. Бугой из приводимых им примеров, а примеры эти, по-видимому, имеют иную — более убедительную — этимологию: лит. *skvē-tas*, *skiáutė*, *skūtas* (ср. также ст.-слав. СКОУТЪ), *skūtas* „кусочек ткани, лоскут“ — к *skūsti* „резать“ (→ „брить“), см. E. Fraenkel, LEW 804, 824–25 и др.

В отличие от К. Буги, Э. Френкель (LEW 232) возводит лит. *káušas* к индоевропейскому корню *keu-, *kou-, *ku- со значением „делать свод, быть выпуклым“ („wölben“). Эта этимология — яркий образчик переноса нашего сегодняшнего абстрактного мышления в древнюю индоевропейскую эпоху. Ибо речь в данном случае, видимо, идет не о литовской и не о балтийской, а об индоевропейской этимологии слова, засвидетельствованного за пределами балтийских языков в древнеиндийском, латинском, греческом и — с иным словообразующим формантом — в древнеисландском языке (*hauss* „череп“ и „сосуд для питья“). По существу, мы берем несколько предметов, обозначаемых одним словом или группой родственных слов: череп, чаша, ковш, маска, скорлупа и т. д. Затем выясняем, что, с нашей точки зрения, общего в этих предметах. Делаем вывод, что „выпуклость“ или „округлость“. Так появляется современная абстрактная этимология. Но так не возникали слова в древнюю эпоху.

Для нас понятие „раз“ („единица“) — это нечто, противостоящее множеству. Для древнего же человека — это „удар“ (ср. русск. *раз* и *разить*, лит. *kaĩtas* и *kiĩsti*). Мы воспринимаем понятие „короткий“ как антипод „длинного“. В древности абстрактному понятию „короткий“ предшествовало понятие „укороченный“, в свою очередь восходящее к более конкретному „обрезанный, обрубленный“ (ср. ст.-слав. КРАТЪКЪ и ЧРЪСТИ „резать“, англ. *short* „короткий“ и *shear* „резать“ и др.). Примеры подобного рода можно приводить без конца. Все они свидетельствуют о том, что мышление древнего индоевропейца, протобалта или праславянина было конкретным.

Обращаясь к этимологии лит. *káušas*, лтш. *kaùss*, следует прежде всего хотя бы предположительно выяснить, с каким сосудом мы имеем дело: с деревянным, глиняным или металлическим. Наличие изоглоссы, охватывающей столь обширный ареал весьма далеких друг от друга индоевропейских языков, свидетельствует об исключительной древности данного названия

сосуда. Даже если это слово и не было общеиндоевропейским, оно, несомненно, возникло еще в индоевропейскую эпоху. Поэтому любая этимология, связанная с названием исконно металлического сосуда²¹, в данном случае отпадает по хронологическим причинам. Едва ли следует здесь ориентироваться и на названия глиняных сосудов, ибо ни одно подобного рода исконное название, встречающееся в балтийских языках, не имеет столь широкого индоевропейского ареала, как название ковша.

Хорошо известно, что из разного рода сосудов наибольшей древностью отличаются сосуды деревянные. Из числа индоевропейских племен широкое использование деревянных сосудов для приготовления горячей пищи особенно, пожалуй, долго сохранялось у балтов. Так, средневековые источники сообщают о том, что латыши готовили себе пищу в деревянных сосудах, опуская в них раскаленные на огне камни²². Этот древнейший способ варки в более позднюю эпоху был отмечен, например, у алеутов и других жителей северных островов Тихого океана²³. Все большие сосуды у древних славян также обычно изготовлялись из дерева, в первую очередь — выдалбливались²⁴.

Уже давно было замечено, что названия деревянных сосудов очень часто этимологически бывают связаны с глаголами „резать“, „рубить“, „вырубать“, „выдалбливать“ и т. п.²⁵. Примеры такого рода — многочисленны, ибо перед нами — одна из наиболее устойчивых и распространенных изосемантических моделей. Остановимся лишь на некоторых примерах.

1. Ср. -ниж.-нем. *scherve* „чашка“, лит. *prā-kartas* „ясли“, русск. *корыто* — к и.-е. *(s)ker- „резать“ (J. Pokorny, IEW 942—44); сюда же следует отнести лит. *kařtas*, лтш. *řkiřsts* „гроб“ (ср. лит. *skeřsti* „резать“, *keřslas* „долото“, *kiřsti* „рубить, вырубать“)²⁶.

2. Др.-в.-нем. *scif* „сосуд“, а также гот., др.-исл., др.-англ. *skip* „судно, лодка“ — к и.-е. *(s)kei- „резать“ (← **ausgeschnittener, gehöhlter Einbaum*“ — J. Pokorny, IEW 922).

3. Русск. *колода* (в диалектах) „(выдолбленные) корыто, улей, гроб, лодка“ — ср. лит. *kálti* „выдалбливать“²⁷.

²¹ Например, П. Я. Черных возводил русск. *ковш* к глаголу *ковать*. См. П. Я. Черных, ук. соч., 96.

²² A. Bielenstein, *Holzbauten und Holzgeräte der Letten*, I—II, Petrograd, 1907—1918, 272—273.

²³ Там же, стр. 273.

²⁴ Л. Нидерле, *Славянские древности*, Москва, 1956, 343.

²⁵ H. Petersson, *Etymologien*, — IF XXIII (1909) 395.

²⁶ Ю. В. Откупщиков, *Из истории индоевропейского словообразования*, Ленинград, 1967, 211—212.

²⁷ Там же, 122—123 и др.

4. Греч. *σκάφη* „корыто, таз“ (а также „челн, лодка“) в семантическом плане следует сопоставлять не столько с греч. *σκάπτω* „копаю, выкапываю“, сколько с такими индоевропейскими соответствиями, как лит. *skõbti* „выдалбливать, вырезать“, *skabùs* „острый“, *skãbtas* „кривой нож для вырезания в дереве“, *skartúoti* „вырезать (в дереве)“ и др.

5. Др.-в.-нем. *scala* „сосуд для питья“ — к др.-исл. *skalm* „меч, нож“, лит. *skélti* и др.

6. Русск. *чаша*, др.-прусс. *kiosi* „кубок“ — к и.-е. **kes-/*kos-* „резать, рубить“²⁸.

7. Лат. *dõlium* „бочка“ (в том числе — деревянная²⁹: Plin., Nat. hist. VIII 16) — к *dolāre* „обтесывать“³⁰; ср. также *dolābra* „мотыга, кирка; орудие для пробивания стен“, *dolātus* „тесание, рубка“ и др.

Родственное слово (с иной огласовкой) ст.-слав. ДЕЛЪВА, др.-русс. *делва* „бочка“, подобно латинскому слову, этимологизируется на основе сопоставления с макед. *дела* „тесать, строгать“ (ср. также макед. *деланка* „щепка“)³¹.

8. Наконец, можно указать также этимологически совершенно прозрачные более поздние образования: русск. диалект. *долб́уша*, *долблѐнка* „долбленая чашка, корытце“, „долбленный улей“ (В. И. Даль, I 460): сербо-хорв. *дубило* „корыто“ и т. п.

Подобного рода примеры широко известны в самых различных языках, начиная от древнейших эпох и кончая сравнительно поздним временем. Данная семантическая модель — вполне естественна, ибо она отражает в процессе номинации предмета самое трудоемкое действие, связанное с его изготовлением.

Всё это позволяет связать этимологически лит. *káušas* и лтш. *kaùss* с лит. *káuti*, лтш. *kaût* „рубить“, а также с лит. *kaũšti* и лтш. *kaùst* „выдалбливать“. Сопоставляя эти слова, необходимо иметь в виду две семантико-словообразовательные модели, характерные для индоевропейских языков.

1) Лит. *kló-(ti)* „стлать, укладывать“ (простой глагол) → лит. *klõdas* „слой, пласт“, русск. *кладъ* (отглагольное имя) → русск. *клад-у*, *класть* (отыменной глагол).

2) И.-е. **ker-* „рубить, колоть, резать“ (простой глагол) → ст.-слав. ЧРЪПЪ (< **ker-p-*) „осколок, черепок“ (отглагольное имя) → ЧРЪПАТИ „черпать,

²⁸ Г. Якобссон, Развитие понятия времени в свете славянского *časъ*, ScSl IV (1958) 306.

²⁹ Утверждение О. Н. Трубачева о том, что лат. *dõlium* „обозначает исключительно глиняные сосуды“ (ук. соч., стр. 243) — ошибочно.

³⁰ J. Hubschmid, *Schläuche und Fässer*, — *Romanica Helvetica*, LIV (1955), 156.

³¹ „Еще же извлекоша сосудъ деревянъ, делву“, — читаем в Повести об Антонии Римляине (XVI в.). См. В. Ф. Ржигга, *Очерки из истории быта домонгольской Руси*, Москва, 1929, 27.

наливать“ (собственно: „действовать с помощью черепка“, – отыменной глагол).

В первом случае значение вторичного (отыменного) глагола почти или совсем не отличается от значения простейшего исходного глагола³². Во втором примере все попытки реконструировать „семантическое изменение“ типа „рубить, колоть“ → „наливать“ останутся безуспешными, если не принимать во внимание всего сложного комплекса единой семантико-словообразовательной модели. И ключевым для понимания здесь оказывается формирование семантики отглагольного имени, которая далее естественно развивается в новом направлении.

Обе приведенные модели засвидетельствованы для случая с лит. *káušas*:

káuti „рубить, вырубать“ (простой глагол) → *káušas* „вырубленный из дерева, выдолбленный сосуд“ (отглагольное имя) → а) *kaūšti* „выдалбливать“ (отыменной глагол с сохранением основного значения простейшего глагола); б) *kaūšti* „пьянеть, хмелеть“ (отыменной глагол, утративший связь с простейшим глаголом, но более тесно связанный семантически с именем – по модели: нем. *Becher* – *bechern*).

Семантико-словообразовательная связь между *káušas* „выдолбленный (сосуд), ковш“ и *kaūšti* „выдалбливать“ аналогична связи между лит. *kaišà* „оскрёбки, (нечто) соскобленное“ и глаголом *káišti* „сколблить“. Интересно отметить, что в обоих случаях имеются изоглоссы, связывающие литовские слова с древнеиндийскими: а) *káušas* и *kōṣaḥ* ($\bar{o} < au$) „сосуд“; б) *kaišà* „оскрёбки“ и *kéṣaḥ* ($\bar{e} < ai$) „волосы“ (из значения „скрести, чесать“, ср. русск. *коса* и *чесать*).

Связь восточнославянского слова *кувшин* (< **ковшин* – аналогично *кувалда* < **ковалда*, ср. *ковать*) с *ковш* обычно ни у кого не вызывает сомнений. И здесь опять эта связь может стать ясной лишь в том случае, если слово *кувшин* рассматривать как балтийское заимствование. Словообразовательная модель *káušas* – **kaušinas* (как *paĩšas* – *paĩšinas*, *vaĩkas* – *vaĩkinas* и т. п.) хорошо известна в литовском языке, где с помощью суффикса *-in(as)* формируются, в частности, аугментативные и диминутивные образования³³. Кстати, близкую словообразовательную модель представляют собой и латышские диминутивы на *-iņš* (< *-injas*). У А. Биленштейна среди деревянных сосудов латышей упоминаются *kausi* или *kausiņi*³⁴. В современном литературном латышском языке слово *kausiņš* – это обычный диминутив к *kaūss*. Всё это говорит о том, что реконструкция лит. **kaušinas*, послужившего источником заимствования восточнославянского слова *кувшин*, базируется на реальной основе.

³² Аналогичное явление в плане не лексического, а грамматического значения мы имеем в случаях типа лат. *canere* → *cantus* → *cantāre* (→ франц. *chanter*) „петь“.

³³ P. Skardžius, *Lietuvių kalbos žodžių daryba*, Vilnius, 1943, 242–243.

³⁴ A. Bielenstein, *ук. соч.*, 315.